

ЕКАТЕРИНА КАГРАМАНОВА

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ МЕНЯЛА СУДЬБУ

Москва
2026

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К12

В оформлении обложки использована иллюстрация:
@ Animedigitalart / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Каграманова, Екатерина

К12 Девочка, которая меняла судьбу / Екатери-
на Каграманова. — Москва : Эксмо, 2026. —
224 с. — Тайны волшебного города. Приключе-
ния для детей

ISBN 978-5-04-209055-4

Юля любит плыть по течению. Если она не пони-
мает задачу, то сидит и ждет, когда взрослые подска-
жут решение. Только сейчас взрослых, которые помо-
гут, нет. Папа уехал на другую квартиру, мама все время
в командировках, и девушка чувствует себя в тупике,
не зная, где ее жизнь свернула не туда и почему роди-
тели разошлись.

Однажды Юля встречает загадочную Старуху, кото-
рая предлагает ей неожиданное — девушка может пять
раз пройти через дверь в другой мир. Каждый раз дверь
открывается по желанию Юли, она имеет редкий шанс
возвращаться в один и тот же отрезок времени. Поступ-
ки Юли влияют на будущее, но она в силах вернуть-
ся назад и все исправить, только не очень получается.
Юля надеется, что Старуха натолкнет ее на верное ре-
шение, но всегда ли в жизни есть исключительно вер-
ное решение?

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Каграманова Е., текст, 2025
© Оформление.

ISBN 978-5-04-209055-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава I

Той осенью я постоянно мёрзла. Сентябрь выдался ужасно холодным, и мама включила отопление раньше обычного, но это не помогало. Я приходила из школы и начинала дрожать. Пальцы леденели, а ноги постепенно застывали. Странно, что батареи при этом работали на всю мощь. Я прижимала к ним руки, ладони наполнялись сухим жаром и краснели, становилось невыносимо горячо, но согреться не получалось. Я подозревала батареи в нечестности. Я думала: что, если они только и ждут, когда я отойду подальше, чтобы перестать работать? Я ведь и сама так делала, когда мама заставляла меня наводить в комнате порядок: сна-

чала послушно раскладывала всё по местам, а потом, когда надоест, ложилась на кровать с книжкой и лежала так прямо в развороченной комнате. Развороченной, потому что мама считала, что иначе я ничего делать не буду. Она открывала шкаф и выворачивала его наизнанку — так у меня не было другого выхода, кроме как всё разобрать. И вот я лежала, читала, а сама внимательно слушала. Когда за дверью начинали звучать мамины шаги, я быстро вскакивала и что-нибудь хватала.

Возможно, котёл и его подружки-батареи были из той же породы, что и я, — обманщики и лентяи. Мне так надоело постоянно ёжиться, что я позвонила маме в одну из её поездок и спросила, что сделать, чтобы дома стало теплее. Она начала объяснять, как подкрутить регулятор, но когда прозвучало слово «осторожно», я перестала слушать. Мне вдруг представилось, как я недостаточно осторожно поворачиваю кругленькую ручку и котёл взрывается, разнося на куски всё вокруг. От меня такого вполне можно

ожидать. Так что я не стала ничего подкручивать, просто продолжала натягивать толстый свитер и шерстяные носки, а уроки делала на диване, закутавшись в тёплый плед.

Я где-то читала, что на Севере организм экономит энергию. Это правильно. Я бы вот лишний раз никуда не ходила и не разговаривала ни с кем. Перешла бы в режим экономии энергии, а когда всё наладится — вернулась в нормальное состояние. Интересно только, как определить, что всё наладилось?

Когда я думала о Севере, то представляла себя внутри снежного шара. Это такая красивая игрушка, сувенир, люди покупают их на память и дарят другу другу. Стекланный шарик, внутри которого размещены разные фигурки — человечки, домики, деревья. Нажмёшь на кнопочку — и внутри начинает идти снег, возникает идеальная сказочная картинка. Там ещё обычно подсветка с музыкой включаются, чтобы было красивее.

У меня был такой шар с девочкой-фигуристой внутри, папин друг подарил когда-то на Новый год. И вот я представляла себя тем самым человечком внутри снежного шара. Этот человечек стоял себе спокойно, ничего особенного не делал, а потом шар тряхнули. Или вообще бросили, и он покатился. И оказалось, что человечек был плохо закреплён. Он сорвался с места, стал болтаться туда-сюда, стучаясь о стенки. А сверху на него сыпался снег. И возможно, внутри при этом уютно горел свет и играла весёлая музыка — как будто совершенно ничего не случилось.

Если мыслить логически, то с места должно было сорвать не только меня, но и маму с папой, всё-таки мы были семьёй, то есть находились в одном пространстве. Но я в этом сомневалась, потому что они вели себя так уверенно, будто всё идёт по плану, и если они на какой-то момент и потеряли опору, то быстро нашли её в другом месте. Выходит, это только я утратила равновесие и растерянно смотрела

теперь по сторонам под нескончаемым потоком блестящих снежинок. Или родители просто не подавали виду, что их качает — мама, во всяком случае, точно. Да ведь и я сама со стороны, наверное, тоже выглядела вполне благополучно — по крайней мере старалась.

Маме, кстати, не казалось, что у нас холодно. Когда она вернулась из командировки, то стала щупать мне лоб.

— Ненормально, что ты постоянно так мёрзнешь, — сказала она, — может, ты заболела?

Я ответила, что отлично себя чувствую.

— Может быть, — предположила я, — дело в том, что у меня переходный возраст?

Мама посоветовалась с Яндексом и сказала, что причина, видимо, как раз в этом. Переходный возраст — такая штука, на которую многое можно списать. Сейчас меня это вполне устроило, потому что бегать по врачам я точно не хотела. Да и маме было совершенно не до того.

Сентябрь шёл к концу. Примерно тогда я впервые увидела Старуху.

Хорошо помню, как вернулась в тот день из школы, вошла в квартиру и закрыла за собой дверь. Запах кофе окутал меня сразу — горячий, густой, чуточку маслянистый. Аромат плыл по воздуху и словно шептал: «Вот я, вот мы, ты чувствуешь, что мы здесь?»

— Мам? — позвала я, хотя не было никаких причин думать, что мама внезапно сорвалась из деловой поездки, приехала на день раньше и стала варить кофе, притом ещё, что у нас дома ничего для этого нет. Мне никто не ответил, но я не чувствовала настоящего страха — может, только лёгкую тревогу. Наверное, это всё из-за кофе, который никак не вписывался в историю с воров или маньяком. А может, мне просто было всё равно, я точно не помню — тогда мне многое было всё равно, так жилось проще.

Я разулась, повесила куртку и пошла на кухню. Старуха сидела за столом и пила

кофе. Вся в чёрном, худая, носатая и морщинистая, она аристократично удерживала чашечку двумя пальцами. Чашка была не наша. Тёмно-синяя, с позолоченным краешком — у нас таких крохотулек сроду не водилось. Папа пил растворимый: сыпал две ложки в свою большую кружку, заливал кипятком, а сверху ещё бухал молоко и сахар. А мама кофе, кажется, совсем не пила. Или пила?

Старуха сделала маленький глоток, поставила чашку на такое же крохотное синее блюдо с каёмочкой и обернулась ко мне. На шее у неё красовался белый кружевной воротничок, а сама шея складывалась над воротничком в меленькие морщинки.

— Здравсьте, — сказала я, — а вы кто?

Старуха оглядела меня с головы до ног, а потом обратно, с ног до головы, и сделала такое лицо, будто хотела сказать: «М-да». Чем-то я её не устроила. Возможно, она ожидала, что я исполню книксен или реверанс — если честно, не знаю, чем они отличаются. Я же стояла столбом и этим, наверное, её разочаровала.

— Не стоит заменять традиционные слова приветствия уродливым «здрасьте». Добрый день. Что же касается того, кто я, милое дитя, уместнее было бы спросить, зачем я. И тут уж ответ должна дать ты сама.

Я спросила:

— Я?!

И растерянно добавила:

— А я не знаю.

Старуха сложила сухие губы в колечко и чуть склонила набок гладко причёсанную голову.

— Что ж, — сдержанно сказала она, — очевидно, произошла ошибка. Если никто из присутствующих не плакал по ночам и многократно не писал в своём дневнике «я в каком-то тупике», то мне здесь делать нечего.

Она смотрела на меня круглыми желтовато-кариими глазами, похожими на птичьи. Они выражали что-то неопределённое: то ли раздражение, то ли насмешку.

Я сказала:

— Это я. Я писала.

— Хм, — Старуха подняла тонкие полукруглые брови, — а с тобой легче, чем я ожидала. Где же все эти кудахтанья: «Откуда вы узнали?!», «Вы что, за мной следите?!» А вот ещё шедевр...

Она поудобнее устроилась на стуле и с чувством выдала:

— «У нас стоит камера видеонаблюдения! Я вызову охрану!»

Она так смешно изображала визгливые крики, что я улыбнулась.

— Сядь, — сказала Старуха и указала на стул напротив себя.

Я послушно села. Почему-то меня не смущало, что она командует в нашей квартире, где я знала историю почти каждой вещи: и этого самого стула, и стола, и скатерти, и занавесок. Мне не хотелось спорить со Старухой, чем-то она мне нравилась, хоть и говорила в основном о неприятном.

— Скажи мне, дитя, что же, по-твоему, следует предпринять, оказавшись в тупике?

Я представила себе узкий тёмный коридор, освещённый факелами. Увидела прямо

перед собой закопчённую каменную кладку с грубыми швами. Ни единой щёлочки.

— Нужно вернуться назад и найти правильную дорогу. Без тупика.

Старуха разочарованно опустила уголки рта.

— Банальный ответ. Ты настолько уверена, что найдёшь то место, где ошиблась?

— Ну нет. Но нужно ведь попробовать.

— Так можно пробовать бесконечно, — отрезала она, — некоторые этим всю жизнь и занимаются.

— Тогда что делать? — спросила я и снова подумала о коридоре с факелами. — Не ломать же стену? Её ведь не пробьёшь.

Старуха хмыкнула и качнула чашечку туда-сюда — с моего места было видно, как на самом дне поблёскивает густая тёмная жидкость.

— М-да... Ну, раз уж я здесь, давай попробуем что-то предпринять. Мне случалось работать и с более неразумными субъектами — можешь считать это комплиментом. Итак, дитя, я покажу тебе кое-что.

Скажем так, это будет история, в которой ты станешь одним из главных действующих лиц. Возможно, это что-то изменит. Возможно, нет. Всё будет зависеть только от тебя. Только тебе решать, как всё случится. Возможно, выход из твоего тупика после этого отыщется сам собой. А может, ты заблудишься, стараясь найти так называемую правильную дорогу. Не могу сказать заранее. Но, как ты верно заметила, попробовать стоит.

Она замолчала и прикрыла глаза. Я сидела, сложив руки перед собой, как в школе, в первом классе. Почему-то я сразу поверила Старухе, не подумала, что она сумасшедшая. Больше того, я не подумала, что я сама сошла с ума, хотя это логично было предположить.

— Что мне нужно делать? — спросила я.

— Внимательно слушать меня, — сухо ответила она, поднимая веки, — и не задавать лишних вопросов. Пока это твоя главная задача — я уверена, что ты справишься.

— Извините.

Старуха снова собрала губы в колечко и, немного помолчав, кивнула сама себе:

— Дверь. Ты выйдешь отсюда через дверь и точно так же вернёшься обратно. Не хочу принижать твои умственные способности, но у меня был неприятный случай, поэтому уточню. Когда я говорю «дверь», я имею в виду любое устройство, имеющее механизм для открывания и закрывания. Не дыра в стене, не рисунок. Настоящая дверь, которую ты сможешь открыть — заметь, очень важно, чтобы именно ты её открыла — и в которую сможешь пройти. Любая, но настоящая. Тебе ясно?

Я смотрела на Старуху. Наверное, вид у меня был туповатый.

— А можно ещё раз? — спросила я. — Куда надо идти, внутрь или наружу?

— Не имеет значения, — Старуха плавно повела рукой, — сама открываешь закрытую дверь и проходишь в неё.

Сейчас она не казалась ни раздражённой, ни нетерпеливой — только немно-

го высокомерной. Должно быть, причина её спокойствия заключалась в том, что речь шла о важных вещах, и ей надо было убедиться, что её правильно поняли. А может, она просто привыкла иметь дело с бестолковыми подростками вроде меня.

— Ты сейчас уйдёшь, — продолжала растолковывать она, — потом вернёшься. В первый раз я тебя, возможно, подожду, чтобы убедиться, что всё в порядке.

— В первый раз? — я уставилась на неё. — А сколько вообще раз мне нужно это... сделать?

— Не нужно, а можно. Пять раз. Пять переходов, — Старуха показала мне раскрытую пятерню, на тощих пальцах тускло высветились ободки серебряных колец.

Я посидела, теребя краешек скатерти. Не хотелось казаться дурочкой, но самое главное оставалось непонятным, и не спросить об этом я не могла.

— А что будет там, за дверью?

Старуха пожала плечами.

— Люди. Вещи. События.